

«ХОЧУ» И «МОГУ» В ЭМИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

**Муращенкова Н. В. (г. Москва, Россия),
Гриценко В. В. (г. Москва, Россия),
Ефременкова М. Н. (г. Смоленск, Россия)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта №20-013-00156 «Социально-психологическое
пространство эмиграционных намерений молодежи:
кросс-культурный анализ»*

Международная мобильность молодежи в современном мире – это, с одной стороны, привычный феномен (стимулирующий ученых к поиску факторов сохранения ценного человеческого капитала на уровне стран), а с другой, – интенция, фрустрированная в условиях пандемии COVID-19 в связи с объективно существующими запретами и ограничениями на передвижения между государствами. Наибольшую эмиграционную активность среди населения обычно проявляют молодые образованные люди, студенты и выпускники университетов [10]. Чаще всего они стремятся к успешному трудоустройству за рубежом [4; 9; 11], ориентируясь при этом не только на уровень потенциальной заработной платы, но и на возможности саморазвития и самореализации в профессии [9]. В то же время эмиграционная активность может выступать не только средством удовлетворения актуальных потребностей молодежи, но и самоцелью, определяемой ценностью мобильности для личности, тягой к приключениям, новому опыту и т.д. [5].

Когда речь идет о добровольной эмиграции, эмоциональным генератором эмиграционной активности выступает эмиграционное желание [7]. Но одного желания недостаточно, требуются еще и возможности. Желающих

эмигрировать всегда значительно больше, нежели тех, кто совершает реальные действия по подготовке к переезду [2; 13]. Так Дж. Карлинг и К. Шевел [6] отмечают, что реализация эмиграционного поведения тесно связана с наличием способностей, ресурсов для осуществления задуманного. Ученые указывают на то, что чаще осуществляют эмиграцию именно те люди, которые имеют и желания, и соответствующие возможности, называя их «добровольными мигрантами» [6]. В то время как для «недобровольных немигрантов», желающих переехать за границу, но не обладающих ресурсами для этого, ограничения мобильности могут приводить к фрустрации и провоцировать стресс [6]. Подобные риски особенно актуальны в ситуации пандемии COVID-19, когда такой важнейший фактор субъективного благополучия личности, как осознание свободы передвижения [8], оказывается блокирован в условиях закрытых границ. А следствием подобного вынужденного ограничения мобильности может стать рост эмиграционных желаний и намерений среди населения [8]. Помимо «добровольных мигрантов» и «недобровольных немигрантов» Дж. Карлинг и К. Шевел описывают «добровольных немигрантов» [6]. Это люди, обладающие возможностями для переезда за границу, но уверенные в том, что в текущих условиях неподвижность предпочтительнее международной мобильности [6]. Для определения молодых людей, не обладающих ни эмиграционными интенциями, ни возможностями для их реализации, К. Шевел вводит определение «покорная неподвижность» [12]. Для людей этого типа эмиграция не является предметом выбора. Как правило это те люди, которые никогда не задумывались о переезде в другую страну.

В контексте изучения психологических детерминант эмиграционных интенций и поведения молодежи интерес представляет анализ ценностных профилей молодых людей с описанными выше типами эмиграционной активности/неактивности. Индивидуальные ценности [3], отражая мотивационную направленность личности, могут влиять на формирование эмиграционных интенций и поведения человека [2], в том числе –

стимулировать к поиску возможностей для осуществления переезда. Наше исследование носит поисковый характер и направлено на проверку предположения о существовании различий в ценностных профилях студенческой молодежи с разными типами эмиграционной активности, определяемыми соотношением субъективно оцениваемых желаний и возможностей для переезда за границу.

Выборку исследования составили 579 студентов (15,54% мужчин) университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы, Смоленска, Омска, Хабаровска в возрасте от 18 до 25 лет ($M=19,99$; $SD=1,57$), обучающихся по следующим направлениям: гуманитарное (70,29%), техническое (7,60%), экономическое (22,11%). Количество респондентов из Москвы и Санкт-Петербурга – 267 (46,11%). Все опрошенные – граждане России. Этнический состав выборки: к русским отнесли себя 83,77% респондентов.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в ходе онлайн-опроса на платформе anketolog.ru в период с января 2021 по апрель 2021 года (вторая волна пандемии). Для оценки типов эмиграционной активности студентов в зависимости от соотношения имеющихся или отсутствующих у них эмиграционных желаний и возможностей для их осуществления были сформулированы 4 утверждения: «у меня есть желание и есть возможности в ближайшие 5 лет переехать из России жить в другую страну»; «у меня есть желание, но нет возможности в ближайшие 5 лет переехать из России жить в другую страну»; «у меня есть возможности, но нет желания в ближайшие 5 лет переехать из России жить в другую страну»; «у меня нет желания и нет возможности в ближайшие 5 лет переехать из России жить в другую страну». Респондентам предлагалось выбрать один из предложенных вариантов, в наибольшей степени отражающий их положение на момент опроса. Для оценки индивидуальных ценностей использовался сокращенный вариант «Портретного ценностного опросника» Ш. Шварца (включающий 21 утверждение), разработанный для Европейского социального исследования (ESS-21). Фиксировались также пол, возраст, национальность, гражданство, место

проживания респондентов и направление обучения. Обработка данных осуществлялась с помощью описательной статистики и анализа различий (t-критерий Стьюдента) с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 23.

В таблице 1 представлено количественное распределение студентов по группам с различными типами эмиграционной активности в зависимости от наличия желания и возможности эмигрировать из России в ближайшие 5 лет.

Таблица 1

Распределение типов эмиграционной активности (соотношение желания и возможности переехать за границу) в выборке (579 студентов)

Типы эмиграционной активности студентов	Мужчины (%)	Женщины (%)	Всего (%)
1 Ж «+» В «+»	8 (1,38)	56 (9,33)	62 (10,71)
2 Ж «+» В «-»	35 (6,04)	203 (35,06)	238 (41,10)
3 Ж «-» В «+»	19 (3,28)	79 (13,65)	98 (16,93)
4 Ж «-» В «-»	28 (4,84)	153 (26,42)	181 (31,26)

Примечания: Ж – желание эмигрировать, В – возможность эмигрировать, «+» – присутствует, «-» – отсутствует.

Согласно полученным данным, в условиях пандемии, несмотря на существующие ограничения, эмиграционные желания присутствуют у 51,81% респондентов из числа студенческой молодежи. Сравнение этого показателя с результатами, полученными нами при опросе смоленской студенческой молодежи в 2019 году (тогда эмиграционные желания высказали 52,16% опрошенных) [2], а также с данными социологического опроса Левада-Центра в 2019 году [1], позволяет выдвинуть предположение о стабильности эмиграционных интенций молодежи даже в условиях пандемии с существующими на момент опроса ограничениями в отношении международной мобильности. Но, в связи с тем, что мы анализируем поперечные срезы, а не данные лонгитюдного исследования, вывод имеет вероятностный характер и сформулирован как предположение.

Рассмотрим ресурсный эмиграционный потенциал (возможности)

российской студенческой молодежи. Большая часть респондентов, желающих уехать из страны (79,33%), отмечает, что не имеет соответствующих возможностей для осуществления переезда. То есть реализовать желаемое могут только 20,67% студентов, из числа тех, кто хотел бы уехать из России. Таким образом, активная эмиграционная стратегия по реализации эмиграционных желаний может быть осуществлена лишь пятой частью респондентов, обладающих эмиграционными интенциями. У остальных респондентов (79,33%) высказываемые желания являются отражением пассивно-предпочитаемой эмиграционной стратегии. При этом, существуют статистически значимые возрастные различия у студентов, имеющих и желание, и возможности эмигрировать, с респондентами из трех других групп: студенты первой группы старше (различия со тремя другими группами значимы на уровне $p < 0,01$).

В таблице 2 представлены различия в индивидуальных ценностях у студентов с разными типами эмиграционной активности.

Таблица 2

Средние значения, различия и стандартные отклонения индивидуальных ценностей у студентов с различными типами эмиграционной активности

Индивидуальные ценности (Ш. Шварц)	Типы эмиграционной активности			
	1	2	3	4
	Ж «+» В «+» М (SD)	Ж «+» В «-» М (SD)	Ж «-» В «+» М (SD)	Ж «-» В «-» М (SD)
Самостоятельность	4,88^{2,4} (0,85)	4,63¹ (0,85)	4,71⁴ (0,77)	4,49^{1,3} (0,90)
Стимуляция	4,44⁴ (1,17)	4,29⁴ (1,14)	4,11 (1,25)	3,98^{1,2} (1,20)
Гедонизм	4,77 (0,99)	4,77 (0,92)	4,66 (0,93)	4,59 (1,00)
Достижения	5,00^{2,3,4} (0,98)	4,67^{1,4} (0,95)	4,52¹ (1,01)	4,46^{1,2} (1,10)
Власть	4,17⁴ (0,87)	4,11⁴ (1,02)	3,95 (1,12)	3,76^{1,2} (1,11)
Безопасность	4,91 (0,88)	4,72 (0,98)	4,72 (0,96)	4,70 (1,00)
Конформизм	3,05 (1,13)	3,24 (1,09)	3,25 (1,12)	3,33 (1,08)
Традиция	3,40 (1,24)	3,27⁴ (1,04)	3,52 (1,04)	3,54² (1,21)
Благожелательность	4,67 (0,98)	4,57 (0,91)	4,85⁴ (0,84)	4,47³ (0,93)
Универсализм	4,74⁴ (0,80)	4,67⁴ (0,79)	4,67 (0,89)	4,50^{1,2} (0,85)

Примечания: Ж – желание эмигрировать, В – возможность эмигрировать, «+» – присутствует, «-» – отсутствует; ^{1,2,3,4} – степенью указывается номер группы, с которой обнаружены статистически значимые различия (t-критерий Стьюдента, $p < 0,05$).

Статистически значимых различий в приверженности ценностям

гедонизма, безопасности и конформизма у представителей четырех рассматриваемых групп не выявлено. Можно предположить, что данные ценности не являются ключевыми определяющими факторами эмиграционной активности российской студенческой молодежи. Большую роль, согласно полученным результатам, играют ценности достижений, самостоятельности, стимуляции, власти и универсализма. Их большая выраженность зафиксирована у тех студентов, которые *хотят* переехать за границу (как имеющих, так и не имеющих соответствующие возможности), в сравнении с респондентами, не обладающими эмиграционными желаниями.

Рассмотрим ключевые ценностные характеристики студентов, обладающих как желанием, так и возможностями для переезда за границу. Мы уже отмечали, что они старше других студентов. Наряду с этим, от представителей трех других групп их отличает выраженное стремление к достижениям (к успешности и проявлению своих способностей), а от тех, кто хотел бы переехать, но не имеет возможностей, как и от тех, кто не обладает эмиграционным потенциалом ни на уровне желаний, ни на уровне ресурсов, – большая ориентация на самостоятельность (мыслей и действий). Ориентации на универсализм (равенство возможностей для всех, терпимость, заботу об окружающей среде), стимуляцию (новизну, полноту жизни, риск, приключения) и власть (богатство, авторитетность) являются отличительными характеристиками студентов с эмиграционными желаниями в целом (как имеющих возможности для переезда, так и не обладающих ими), в сравнении со студентами, отметившими отсутствие у себя и мотивационной и ресурсной составляющих эмиграционной активности. Студенческая молодежь, указавшая, что не хочет и не может в ближайшие 5 лет переехать из России жить в другую страну, продемонстрировала наименьшие из всех рассматриваемых групп средние значения по ценностям самостоятельности, стимуляции, достижений, власти, благожелательности, универсализма, гедонизма и безопасности, но наибольшие – по ценностям традиции и конформизма. При этом у студентов, которые не хотят и не имеют возможности эмигрировать, выявлены

статистически значимые различия (меньшее предпочтение) в ценностях благожелательности (забота и помощь окружающим, преданность близким) и самостоятельности (свобода, независимость) в сравнении с теми, кто не хочет уезжать из России, но обладает возможностями для переезда.

Таким образом, в результате исследования подтверждено выдвинутое предположение о существовании различий в ценностных профилях студенческой молодежи с различными типами эмиграционной активности, определяемыми соотношением субъективно оцениваемых желаний и возможностей для переезда. Полученные результаты подтверждают значимую роль ценностей как мотивационных целей в формировании эмиграционной активности молодежи. При этом интенционный уровень эмиграционной активности студентов (проявляющийся в желании переехать) остается достаточно высоким в условиях пандемии и существующих ограничений, в то время как деятельностный уровень остается низким, что определяется в том числе и наличием/отсутствием ресурсов для осуществления переезда (объективно определяемых и/или субъективно воспринимаемых таковыми).

Проведенная работа имеет как научную, так и практическую значимость. С одной стороны, результаты исследования показывают, какие потребности и стремления (отраженные в ценностях как мотивационных целях) значительной части студенческой молодежи вероятно не находят реализации в современных условиях в стране, что стимулирует эмиграционную активность. С другой стороны, полученные данные дают возможность спрогнозировать, как может измениться ценностный профиль российской студенческой молодежи в случае, если эмиграционные интенции большей ее части будут реализованы в реальном поведении.

Библиографический список:

1. Гончаров С., Волков Д. Эмиграционные настроения (опубликовано 26.11.2019) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 09.02.2022).

2. Муращенкова Н.В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. – 2021. – Том 12. – № 1. – С. 77-93. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
3. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 1. – С. 43-70.
4. A Brain Drain in Russian Agriculture? Migration Sentiments among Skilled Russian Rural Youth / V. Kvartiuk [et al.] // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. № 8. P. 1352-1377. DOI:10.1080/09668136.2020.1730305
5. Carling J., Collins F. Aspiration, desire and drivers of migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. № 6. P. 909-926. DOI:10.1080/1369183X.2017.1384134
6. Carling J., Schewel K. Revisiting Aspiration and Ability in International Migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. № 6. P. 945-963. DOI:10.1080/1369183X.2017.1384146
7. Collins F.L. Desire as a Theory for Migration Studies: Temporality, Assemblage and Becoming in the Narratives of Migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2018. Vol. 44. №6. P. 964-980. DOI:10.1080/1369183X.2017.1384147
8. De Haas H. Migration theory: Quo vadis? [Электронный ресурс] // IMI Working Paper Series 100. Oxford: International Migration Institute, 2014. 39 p. URL: <https://heindehaas.files.wordpress.com/2015/05/de-haas-2014-imiwp100-migration-theory-quo-vadis.pdf> (дата обращения: 06.22.2022).
9. Emigrate or not? How would the next Spanish generation of physicians decide? A study on emigration-related reasons and motivations of advanced medical students in 11 Universities in Spain / D. Bernardini-Zambrini [et al.] // Aten Primaria. 2011. Vol. 43. № 5. P. 222-226. DOI:10.1016/j.aprim.2010.01.017
10. Gajdošová B., Orosová O. Selected psychological factors in relation to emigration intentions of voluntary permanent migration of university students [Электронный ресурс] // Ceskoslovenska Psychologie. 2019. Vol. 63. № 3. P. 249-

264. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85073368712&origin=inward&txGid=07ee958f22a56b8ba95e434bd34ab9b1> (дата обращения: 06.22.2022).

11. Non-economic emigration factors that might be pushing citizens out of lithuania / T.A. Bryer [et al.] // Public Policy and Administration. 2020. Vol. 19. № 1. P. 35-52. DOI:10.5755/j01.ppa.19.1.25114

12. Schewel K. Understanding the Aspiration to Stay: A Case Study of Young Adults in Senegal: IMI Working Paper 107. Oxford: International Migration Institute, University of Oxford, 2015. 37 p. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:6b94a8a2-e80c-43f4-9338-92b641753215> (дата обращения: 06.22.2022).

13. Tabor A.S., Milfont T.L., Ward C. The Migrant Personality Revisited: Individual Differences and International Mobility Intentions // New Zealand Journal of Psychology. 2015. Vol. 44. № 2. P. 89-95. URL: https://www.psychology.org.nz/journal-archive/72176-NZJP-Vol-44-No-2_Sept-2015-Final-version.pdf#page=89 (дата обращения: 06.02.2022).